

Сьюзан Муадди Даррадж

ПОЗАДИ ВАС – МОРЕ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М89

Susan Muaddi Darraj
BEHIND YOU IS THE SEA

Copyright © HarperVia, 2024
Published by arrangement with William Morrow Paperbacks,
an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод с английского *Виктории Кульницкой*

Литературный редактор *Людмила Иванова*

Муадди Даррадж, Сьюзан.

М89 Позади вас — море / Сьюзан Муадди Даррадж ; [перевод с английского В. Кульницкой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-04-204248-5

Перед вами разложенная на девять голосов повесть о палестинских эмигрантах в Америке. Они бежали от войны без возможности вернуться, теперь их дети и внуки растут в городе Балтимор, за тысячи километров от родной земли. Кто-то адаптировался к местной культуре, кто-то упорно соблюдает традиции предков. Вместе с героями мы посещаем свадьбы, похороны, наблюдаем за непримиримыми противоречиями между отцами и детьми. Смешные и трогательные истории отдельных людей тесно сплетаются к финалу в историю одного большого сообщества, с чуткостью и вниманием описанного Сьюзан Муадди Даррадж.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Кульницкая В.,
перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204248-5

*Моим детям:
Мириам, Джорджу и Габриэлю*

Своему изгнанию вы должны быть столь же
преданы, сколь и родине.

Ибрагим Насралла

Если то, что разбивает нам сердце,
давно поросло быльем,
и колоннада в молчании
ждет динамита,
если мир, что мы любим,
не существует давным-давно,
пускай прах поглотит имена наши
пусть сгорят карты под нашими ногами,
если мы — это прошлое,
то кто же те миллионы, что жаждут воздуха?

Лена Халаф Туффа

«Разрушь»

Из воздуха ребенок лишь

Рима Баляди

Амаль свое тоже называет «Это»; впрочем, говорят, она проблему уже решила. Братец у нее коп, уж верно раздобыл где-то денег. Торри считает, он наверняка наркотой барыжит, как все эти продажные поганцы. Но Маркус не такой. Слышь, говорю я Торри, мы с ним вместе выросли, Маркус — он без гнильцы. Торри тоже пытался достать деньжат, чтобы я от Этого избавилась, но тут я ему еще кое-что сказала: я, говорю, даже будь у меня деньги, все равно свое сохранила бы.

Торри не понимает... Да и вообще никто не понимает... А ведь это самое классное, что со мной произошло за всю жизнь.

Торри неплохой парень. Просто он в такой переплет уже попадал. Раз подкинул проблем Тиме, девочке, что снимала жилье возле Хопкинсов, и она аж до двенадцатой недели доходила, прежде чем меры приняла. *До двенадцатой!* Еще, говорит, с одной девочкой из Дандалка случай был, но та не захотела его

видеть, так что он передал ей пачку полтинников через друга.

Жениться Торри не желает, но мне плевать, все равно папа при смерти. Это у Амаль папаша строгий, а мой-то еле дышит. С больным отцом арабские обычаи соблюдать не обязательно.

Как правило, у нас еще и матери следят, чтоб ты не сбилась с пути: росла стройной и здоровой, однажды вышла за доктора и после могла себе позволить маникюр каждую неделю и прислугу, чтобы убиралась в доме. Но когда раздавали строгих матерей, мы с Амаль, видно, прогуливали. Не подумайте, что нам сильно повезло: просто мама Амаль умерла сто лет назад, а моя превратилась в сущее привидение. Например, когда я рассказала ей про Это, она просто посмотрела сквозь, будто меня и в комнате не было. Весь день она или молится за баба¹, или оттирает с линолеума несуществующие пятна. А иногда — с тех пор, как отцу стало хуже, все чаще — кладет на подоконник подушку, опирается на нее локтями и смотрит в окно на Вольф-стрит, где бурлит чужая жизнь.

— Твоя мама чокнутая, — бросает Торри, когда я говорю, что хочу Это сохранить и что надеюсь на мамину помощь поле того, как Оно родится.

— И че?

Видите, я даже не отрицаю.

— Да просто. Она за собой-то следить не в состоянии, а ты хочешь, чтоб она следила за моим ребенком.

¹ Папа (сноски в тексте даны к словам на арабском языке). — *Прим. ред.*

— Нет, я хочу, чтоб она следила за *моим* ребенком.

— Рима, да хорош. У нее крыша поехала.

— Так весь квартал говорит. По-твоему, мне не наплевать, что они думают?

— А я как же?

— Ты? — перебиваю я, суровая такая, куда деваться. — Что ты думаешь, меня вообще не колышет.

Когда я ругаюсь, он обычно долго смотрит на меня, потом улыбается во все тридцать два и лезет целоваться. И сейчас так делает, и когда мы только познакомились тоже.

Я работала в ресторане и кахве¹ «Аладдин». Хозяином там мистер Нагиб, которого из-за глухоты все зовут аль-Атраш². Он тоже из Тель аль-Хилу, деревни, откуда родом мои родители. Баба у него подрабатывал иногда, вот почему, услышав, что отцовский рак вернулся, да еще злее прежнего, он дал мне работу.

На мое счастье, аль-Атраш ни черта не слышал, вот и поручил мне отвечать на звонки и принимать заказы на столики. Торри в то время частенько тусовался у соседнего гастронома и, проходя мимо, вечно на меня глазел. Бывало, помашет мне. Или, наоборот, делает вид, будто вовсе меня не замечает, а сам то одним боком поворачивается в своих узких джинсах и курт-

¹ Кофейня. — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

² Глухой.

ке, то другим. Я всегда стояла за стойкой у входа, а за спиной у меня висела картина, на которой был изображен какой-то тип в наряде султана. Ну и страшная же она была, аль-Атраш ее где-то на барахолке в Кантоне откопал.

И вот однажды Торри нарисовался у двери и подмигнул мне.

Я закатила глаза и развернулась к нему спиной.

А через секунду на стойке зазвонил телефон. И он мне такой в трубку:

— Хоть бы улыбнулась, а?

Смотрю — стоит за стеклянной дверью, к уху мобильник прижал и ухмыляется, главное, так похабненько.

С того дня он постоянно названивал. Пел ту песню Groove Theory, которая мне больше всех нравится. И еще специально подчеркивал голосом строчки: «До чего ты прелестна, когда смеешься. От твоей улыбки мне каждый день в радость». Он постоянно ее пел. Бывало, звонит и сразу поет эту строчку, а сам смотрит через дверь, чтоб я непременно улыбнулась, и только потом дает отбой. А когда мы обжимались, он все время говорил, что я похожа на какую-нибудь знаменитость. Однажды сказал, что на Амель Ларьё, так я чуть от счастья не умерла, она ведь красотка.

До Торри мне никто еще не говорил, что я красивая. Сейчас он, конечно, злится, что я его не слушаю, но вообще-то он упорный малый. Звал меня «Крошкой», хоть сам всего на два года старше. Но я-то еще в школе учусь, вот он и ведет себя, будто по сравнению со мной до фига взрослый. Знал бы он, как я одна

управляюсь с домом и малышкой-сестрой, потому что баба́ болеет, а мама превратилась в привидение, сразу бы сообразил, кто тут взрослый, а кто покурить вышел.

Чтобы впервые пойти с ним на свидание, я наврала маме, будто должна допоздна задержаться на работе. Сама-то она никогда с аль-Атрашем не разговаривала (а с кем она вообще разговаривает?), а баба́ тогда уже был совсем плох. Целыми днями лежал в постели, весь мокрый, и задыхался от боли, пока мама не даст ему лекарство. А выпив его, сразу же отрубался. Я, конечно, радовалась, что теперь ему не больно, но все равно по нему скучала. Врать маме не хотелось, но сделать это оказалось очень легко. Баба́ бы меня в жизни не отпустил — что ж, в том, что он теперь не отличает меня от младшей сестры, нашлись свои плюсы. Так говорит мистер Дональдсон, наш учитель литературы: «В смерти Ромео и Джульетты нашлись свои плюсы — по крайней мере, их семьи осознали свои ошибки». Я еще, помнится, подумала, ну фиг знает. Как по мне, да пошли бы они, эти семьи.

Ну да ладно, про первое свидание. Мы с Торри пошли в «Бургер-Кинг» на Гринмаунт. Я взяла только маленькую картошку, чтобы он не подумал, будто я обжора. К тому же я ведь не знала, заплатит он за меня или нет. Как тут угадать? Сказала ему, что мне к девяти надо домой — работай я в тот вечер в «Аладдине», как раз к этому времени освободилась бы. Мама особо вопросов не задавала, даже медсестру, что приходила к нам по пятницам, ни о чем не спрашивала, просто молча впитывала, что ей сказали. И ничего не

повторяла. Как-то миссис Миранда, что живет в конце квартала, меня спросила:

— Чего это твоя мама со мной не разговаривает? Я ей не нравлюсь, что ли?

А я ей говорю, ой, да не берите в голову, она даже со мной не разговаривает.

— Где живешь-то? — спросил Торри, вгрызаясь в бургер.

Перед ним лежали еще три таких же.

— На Вольфи. — Я аккуратно макнула кусочек картошки в кетчуп, стараясь показать, какая я воспитанная.

— А родичи?

— Что родичи?

— Есть они у тебя?

— Ага.

— И че, мне ждать, что твой папаша сейчас заявится меня убивать? Я про арабских девчонок слышан.

Я его спросила, а что, мол, пуэрториканские папаши не так себя ведут? Он ухмыльнулся и стал жевать дальше.

В школе я иногда превращаюсь в другую Риму. Например, на экзаменах. Учителя всегда в такие моменты думают, что я списывала. Но я просто умею прикидываться другим человеком. Так я и в тот раз с Торри сделала. Пожала плечами, глянула на него, как на идиота, и бросила: «Нет». И ведь сработало. Он улыбнулся, и мы заговорили о другом: что аль-Атраш, наверно, расист, раз не любит, когда Торри с друзьями ошивается возле его ресторана; что Торри ходит вольным слушателем в государственный колледж, но, на-

верное, скоро бросит, сильно деньги нужны; что он мог бы в армию завербоваться, но от оружия его тошнит, как и от мысли, что придется убивать других темнокожих парней.

— Я как Мухаммед Али, — заявил он со смехом. — Не дам обманом заманить себя на войнушку, чтобы они могли расплатиться за свою учебу и книжки.

Ну вот. Пару раз мы так с ним встречались — ели бургеры, а потом обжимались в его машине. Торри меня долго уламывал заняться с ним сексом. Я ему сказала, что раньше никогда такого не делала, а он расплылся в своей очаровательной улыбочке и ответил, не парься, мол, я все беру на себя. Постоянно шутил, чтобы я расслабилась. И мне в первый раз все очень понравилось. Вот почему захотелось снова, хоть он и не пользовался презервативом.

— Крошка, — говорит, — не переживай, я вытащу. Поверь, я знаю, что делаю.

Ну а я-то не знала, так что помалкивала.

Все думала, какой он красивый и какие у него зеленые глаза. Прямо изумрудные — на смуглом лице. Изумрудные глаза, курчавые волосы — пропала я, в общем. Хоть сотню раз бы маме наврала, лишь бы снова с ним увидеться.

И вот вам, пожалуйста.

Теперь он хочет, чтобы я поступила, как Амаль, и злится из-за того, что я уперлась.

— У меня ни цента в кармане, — говорит. — По нулям. Я на тебе не женюсь.

Не для того, чтоб обидеть, просто объясняет. Я знаю, у него никого больше нет. Его кореша говорили, что он от меня без ума, да еще звонит же посто-